

Яд любви

Как рушатся империи

Раф Гази

16+

Раф Гази
Яд любви

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Гази Р.

Яд любви / Р. Гази — «ЛитРес: Самиздат», 2013

ISBN 978-5-5321-1776-1

Действие происходит в переломных для Евразии исторических эпохах: в 20-х годах XXI века, в 70-х - XX-го, в середине XVI-го. В повести в игровой упрощенно-бытовой манере показаны возможные векторы развития Евразийской империи — славяно-православный и тюркско-исламский, их мнимые и истинные движущие силы. Главному герою волею фантастических обстоятельств приходится переживать различные исторические коллизии, неожиданные повороты в судьбе страны и собственной жизни, в том числе любовные. Финал банален: мир спасут знания и любовь.

ISBN 978-5-5321-1776-1

© Гази Р., 2013
© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

1. На острове Бержуд	5
2. Мир раскололся	6
3. Роковая женщина	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

1. На острове Бержуд

Ут лежал с закрытыми глазами, не решаясь окончательно проснуться. Он медленно, очень медленно впускал в сознание ощущения своего сонного тела.

Ут еще раз осторожно прислушался к его импульсам. Нет, из позвоночника не поступало никаких болезненных сигналов; свежий воздух, естественное питание, отсутствие стрессов сделали свое дело. Боль ушла. Хорошо бы навсегда, подумал Ут. "Тихим цветком распускается в сердце радость", – кодовые слова, подтверждающие благополучие организма, родились сами собой, без малейшего напряжения.

Приоткрыв веки, Ут ничего не увидел, кроме узкой полоски света, робко пробивающейся через плохо зашторенное оконце. Глядя на эту солнечную ленту, Ут пытался угадать, который сейчас может быть час, и не пора ли ему подниматься. Потом, вспомнив, что он находится уже не в венском отеле «Nimmer», а на практически необитаемом острове Бержуд, решил вообще не вставать. "Буду лежать здесь неподвижно, как Будда, всю оставшуюся жизнь..."

Однако жить ему, похоже, оставалось совсем недолго. Минут 20. Примерно столько времени он смог сопротивляться жизнерадостно бьющимся импульсам освобожденного от боли тела.

"Не каждому дано стать Буддой", по-философски рассудил благоразумный обитатель островка, затерявшегося среди извилистых протоков древней реки Кама и, выкарабкавшись из палатки, отправился совершать запоздалый утренний моцион. Благо, река была всего в 10 шагах от места его ночлега. Точнее, не сама река, а одна из ее многочисленных протоков, берега которой густо покрылись камышовыми зарослями. А перед ними из воды тянулись к солнцу желто-розово-голубоватые растения, чей тускло бледный цвет выдавал их болотное происхождение.

Бержуд, куда вернулся Ут, из сильно утомившей его заграничной поездки, оставался одним из тех немногих мест в Алтын Тартарии, где сохранялись еще некоторые признаки первозданной природы и редкие представители флоры и фауны, вроде белохвостого орлана, занесенного в международную Красную книгу. Большая же часть империи, занимавшей 1/6 часть суши земного шара, давно уже была закатана в бетон и асфальт огромных мегаполисов и их городов-спутников. Если где и сохранялись островки живой природы, то они принадлежали либо государственным капиталистам (совершенно ничтожная часть), либо частным олигархам (львиная доля) – в основном, выходцам из Китая и Америки. Только благодаря давней дружбе Ута с директором госзаповедника стало возможным его неофициальное, фактически нелегальное пребывание в запретной для простых смертных зоне.

Горячее августовское солнце уже успело нагреть до вполне комфортной температуры не успевшие остыть за короткую летнюю ночь воды Камы. Ут, войдя в воду, медленно выдохнул и камнем ушел на дно протоки – именно таким способом, как это известно дайвингистам, можно добиться быстрого погружения. Быстро, но недолго – отсутствие запаса воздуха в легких уже через несколько секунд заставляет тело пробкой вылетать наверх. Вода быстрее, чем воздух довела до ныряльщика нарастающий рокот мотора.

Вынырнув, Ут увидел корму лодки. «Иштар все-таки приехала, хорошо, что я ей позвонил!» – обрадовался он.

В тот же миг блеснула молния, на небе появилось зеленое свечение, на остров Бержуд со стремительной скоростью стали надвигаться увеличивающиеся в размерах градины.

«Метеорит», успел подумать Ут, прежде чем впасть в забытье.

2. Мир раскололся

Мир раскололся. Ут точно это видел.

Когда он очнулся, осколки, в которых отражались расколотые горы, и расколотое на мелкие кусочки небо, и вздыбленный на части асфальт – всё опять соединилось в прежнюю гармоничную картину, без единого шва.

Ут сидел на земле возле придорожного кафе, подпирая спиной ствол могучей ветвистой чинары, спасающей своей щедрой тенью от убийственной жары, и приходил в себя.

Что это было? Разряд молнии? Но не было никакого дождя. Землетрясение? Но не было никаких разрушений. Единственное здание, которое наблюдалось в округе – одноэтажное кафе "Лейла" – стояло совершенно незыблемо и невредимо, без единой трещинки. Кое-где из под белого тщательно оштукатуренного фасада проступали едва заметные желтоватые полосы саманного кирпича, что никак не могло свидетельствовать о каких-либо природных катаклизмах, разве только о небрежности строителей.

На стене кафе, под самой крышей, висел прямоугольный кусок красной материи, на которой белой краской были написаны слова: "Решения партии – в жизнь!" Но какой партии, написано не было. А зачем уточнять – и так ясно, партия была одна – «Единая Тартария».

Сделав это наблюдение, Ут окончательно пришел в себя и попытался сообразить, что же с ним приключилось, почему все вокруг вдруг поплыло и мир внезапно раскололся, а потом вновь приобрел свои привычные очертания.

Был ли это солнечный удар? Возможно. В голове что-то щипало и кололо, словно в мозгу засела верблюжья колючка. Кстати, этими зеленоватыми колючими растениями была усыпана вся безжизненная пустошь за черной полоской асфальта до самых гор, протыкающих своими острыми пиками неподвижно застывшие на синем куполе большие ватные облака.

Ут засунул в накладной карман рубашки упавший на колени смартфон, медленно поднялся и осмотрелся.

За зданием придорожного кафе, в противоположной от гор стороне, виднелось какое-то селение. Редкая зелень плохо скрывала силуэты глиняных дувалов и возвышавшихся над ними плоских крыш. Кругом не было ни души, но из полуоткрытых дверей кафе раздавались музыка и манящий запах жаренного мяса.

Ут открыл двери и шагнул во внутрь. Его тело показалось ему каким-то легким и воздушным. Сразу напротив входа расположились музыканты. Круглолицый толстяк в черно-белой тубетейке азартно стучал в барабан, на бас-гитаре перебирал гибкими пальцами маленький смуглый, похожий на цыгана, паренек, а замыкал это трио высокий худой солист с узким вытянутым лицом и живописно спадающими на плечи черными волосами. Он быстро передвигал аккорды на электрической гитаре, связанной запутавшимися проводами с розеткой в серой стене, и пел силовым голосом:

– Ты меня очаровала,
Шизгаре, о, Шизгаре...

«Ну и дела, – подумал Ут, – в этой забытой Богом глуши играют «Битлз». Зрителей в кафе – раз-два и обчелся. Огромные черные мухи, прячась от невыносимой жары в относительно прохладном помещении, назойливо жужжали под потолком, но клейкие узкие ленты, свисающие почти до самого земляного пола и призванные ловить вредных насекомых, не могли справиться со своей задачей.

– Ут, иди в машину, мы сейчас тоже придем, – раздался громкий, перебивающий "битлов" голос из-за стола, за которым сидела не очень молодая пара. Мужчина в шахматную клетку рубашке выглядел лет на 50, а женщина в сиреновом платье была заметно моложе своего спутника, ей можно было дать что-то около сорока.

– Подожди, может, он еще хочет что-нибудь съесть, – сказала женщина несколько назидательным тоном. – Утик, ты будешь еще кушать?

«Похоже, они обращаются ко мне, – удивленно подумал Ут и машинально помотал головой. – Но как они узнали мое имя и кто они вообще такие? И почему я должен идти к машине?» Запутавшись в догадках, Ут вышел наружу, решив, что все прояснится, когда его неожиданные знакомые закончат трапезу, и здесь на улице, где не будут мешать музыканты, все ему разъяснят.

А ситуация уже давно требовала разъяснения. «Где я нахожусь? Как я сюда попал?», – терялся в догадках Ут. Голова продолжала гудеть, в ней возникали мучительные вопросы.

Дверка одиноко стоящей под тенью чинары машины оказалась не запертой, Ут открыл ее и уселся на заднее сидение. Это был «Москвич» марки АЗЛК. Настоящий раритет! Интересно, как он смог так хорошо сохраниться, – на солнце машина блестела, словно новенькая – АЗЛК ведь снят с производства несколько десятков лет назад? «Когда-то у нас был «Москвич», сначала, 412-й модели (его купили, продав после смерти деда домик в Казани), а потом, АЗЛК, в точь-точь как этот, даже такого же кремового цвета. Правда, было это очень-очень давно», – вспоминал Ут.

Ут потянулся к дверце, чтобы открыть окно... и с изумлением начал рассматривать свою руку, он ее не узнавал, это была будто не его рука, тонкая, загорелая... Сильная головная боль мешала сосредоточиться и разобраться в ощущениях, иначе Ут давно бы почувствовал, что тело тоже как бы не совсем его, – стройное, легкое, гибкое... Ут с интересом стал себя оглядывать. На нем были белая рубашка с короткими рукавами, коричневые расклепанные внизу брюки и какие-то дурацкие сандалии с ремешком. Одежда тоже из далекого прошлого. «Что за маскарад! И зачем я так вырядился?» – продолжал недоумевать Ут. Вдруг блеск озарения промелькнул в затуманенном сознании. Неужели это правда? Нет, нет, не может быть! Это же полная чушь!..

Ут осторожно вышел из машины и крадущимися шагами стал приближаться к зеркалу бокового обзора, чтобы увидеть в нем свое лицо. Ут его увидел и... резко отшатнулся. Зеркальное отражение привело его в сильное замешательство – это был не он. Точнее, не совсем он – в зеркале показался какой-то юнец, с едва пробивавшимся над пухлыми губами мягким пушком. Может, померещилось? Ут нагнулся и еще раз, уже более внимательно стал изучать свое отражение – сомнений быть не могло, на него смотрел Ут, только очень юный, образца 40-летней давности.

Если сказать, что это открытие повергло его в шок, – значит, ничего не сказать. Он просто обезумел! Мысли пришли в хаотическое движение. Ут вновь затаился на заднем сиденье, и чтобы как-то унять нервную дрожь, от которой ходуном ходили руки и ноги, попытался глубоко вздохнуть и задержать дыхание. А что если, это только сон? Ну, конечно же, сон, конечно, сон – стоит лишь слегка поднатужиться, разомкнуть глаза, и весь кошмар сразу закончится. Но проснуться не получалось...

Тем временем из дверей кафе вышли уже знакомые ему мужчина с женщиной. Ут стал догадываться, кем они ему приходились. Первым шел мужичок, чуть ниже среднего роста, с выпирающим брюшком, заметной лысиной, которую обрамляли черные с небольшой проседью кудряшки. За ним следовала полноватая дама, с миловидным белым лицом – несмотря на палящее южное солнце, загар к нему почему-то не приставал. Они уселись в машину, завелся мотор.

Ут потянулся к дверке, чтобы открыть окно и впустить в салон свежий воздух.

– Утик, тебе плохо что ли? – женщина участливо обернулась.

Нужно было что-то отвечать. Ут закрыл глаза и тихо произнес, не узнавая своего голоса:

– Нет, ничего, просто устал. Я немножко посплю.

– Ладно, спи. Дорога еще дальняя.

Притворившись спящим, Ут стал обдумывать свое положение. Первым делом нужно было определить время и место своего пребывания. Природный ландшафт – пустыня и саксаулы – подсказывал, что это могли быть Кызылкумы. Но горы говорили о том, что они могли выехать и за пределы Красных песков...

«Стоп, вспомнил! – остановил бег своих мыслей Ут. – Да, как-то летом во время каникул, кажется, в начале августа, в самый разгар саратона – пика жары в Согдиане – я ездил с родителями в гости к каким-то дальним родственникам на Памир, где в античные времена располагалась столица древней Бактрии. Только когда это точно было? После 8 класса или 9-го? После 10-го этого быть не могло, поскольку сразу после выпускных экзаменов я поехал на юношеский чемпионат Алтын Тартарии по футболу в Ангар-тепе, где проходила наша зона, а потом поехал с другом строить БАМ – Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль. Значит, 8-й, нет, наверное, все-таки 9-й класс, точнее, летние каникулы. И, следовательно, на данный момент мне 15 или 16 лет. Скорее, всего 16».

Ут пошевелил успокоившимися руками и ногами – да, они вполне могли принадлежать 16-летнему юноше-спортсмену.

«Где мои 16 лет? А вот они, на Большом Памире. Чудны дела твои, Господи!»

Ут припомнил также, что с ним в той поездке, действительно, случилось что-то вроде солнечного удара и привиделся какой-то мираж, как будто мир, действительно, раскололся на мелкие кусочки, а затем вновь склеился. «Может, взрыв метеорита на острове Бержуд и никем, кроме меня, не замеченный Раскол мира в горах Памира образовали Петлю времени, и меня затянуло сюда из будущего? – стал кое о чем догадываться Ут. – А что? Это, по крайней мере, хоть как-то объясняет ситуацию».

Как бы там ни было, теперь Уту предстояло жить в новой старой реальности – в этом своем внезапно нагрянувшем прошлом. Сколько – неизвестно. Ясно одно, открывать этого было нельзя никому – примут за сумасшедшего.

Ута и вправду укачала дальняя дорога. Похоже, утомленный непривычными впечатлениями, продремал он, вернее, продрях как убитый, часа три-четыре кряду.

Трудяга "Москвич" пересекал уже Старый город и проезжал мимо древнего полуразрушенного минарета, на вершине которого вместо муэдзина восседала парочка белых аистов. Она давно облюбовала это самое высокое во всей округе место и свила там для себя уютное гнездышко. Говорили, что аисты приносят удачу, и местные жители боялись, как бы они не улетели насовсем – поэтому никто не рисковал нарушать их покой. А большие длинноногие птицы, словно чувствуя к себе такое почти священное отношение, вели себя вальяжно и важно, невозмутимо наблюдая с недостижимой высоты за абсолютно безопасными для себя людскими страстями.

Но никто еще не знал, что через пару десятков лет выглядевшая такой мощной Алтын Тартария зашатается. Русские уедут в Рязань, тартары – в Казань, а бухарские евреи – в Израиль. Правда, Империя потом вновь укрепит свое положение в Согде. Но аисты сюда больше уже не вернутся.

Машина выехала из Старого города и по прямому, как стрела, тракту покатила к проспекту Дружбы народов в сторону железнодорожного вокзала. Вдоль дороги зеленели еще не созревшие хлопковые поля. В окно машины влетал горячий ветер. Ут смотрел в открытое окно и будто старый фильм вспоминал: вот торговые ряды Нового базара, сразу за ним – поворот в совхоз "Мамай". Здесь жили в основном добровольные переселенцы: немцы, корейцы, чеченцы, крымские тартары.

После этого рубежа, собственно, и начинался Новый город с его неожиданно густой для Кызылкумов зеленью и голубыми многоэтажками. На перекрестке Ут увидел огромный рекламный щит с крупно выписанными словами:

АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДА N – ЖЕМЧУЖИНЫ КЫЗЫЛКУМОВ – ЯВЛЯЮТСЯ ГОРДОСТЬЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС

«Что это за текст? – озадачился Ут. – Советский Союз, генеральный секретарь, КПСС... Что означают эти непонятные слова? Чуть ли не какая-то!» Да, на этом месте висел рекламный щит, но надпись была другая. Ут напрягся и вспомнил:

АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДА N – ЖЕМЧУЖИНЫ КЫЗЫЛКУМОВ – ЯВЛЯЮТСЯ ГОРДОСТЬЮ АЛТЫН ТАРТАРИИ. Из фирмана Верховного кагана.

Через несколько минут "Москвич" свернул с проспекта на улицу Тукая, но на табличке-указателе значилось «ул. Пушкина». Причем, тут Пушкин, продолжал недоумевать Ут. И тут же попытался себя успокоить: "Ничего странного, Пушкин – это и есть "русский Тукай". Наверное, я просто забыл, как называется эта улица, столько лет прошло!"

Позади остался Дом культуры «Фуркат» с главной достопримечательностью города – скульптурой народного героя Ходжи Насреддина. Его огромную восседающую на маленьком осле фигуру водрузили на берегу бассейна, обложенного гладкими, под розовый мрамор, плитками.

Ут с трудом восстанавливал в памяти названия проспектов, улиц, учреждений давно покинутого города. Вот уж не думал, что он вновь когда-нибудь окажется здесь.

Далее дорога брала плавный изгиб влево, и Ут увидел, как на фасаде дома промелькнул еще один знакомый с детства плакат, но на нем было написано не «Слава кагану!», а «Слава КПСС!» Миновав изгиб, «Москвич» резко взял вправо, и обогнув дом сзади, наконец, остановился возле первого подъезда с парадной стороны.

Стандартная "двушка" по адресу Тукая-Пушкина 5/1 была обставлена скромно, если не сказать бедно. Раскладной диван грязно-серого цвета. Книжный шкаф с тремя полками и с полтора десятком потрепанных книг. Разбитый радиоприемник со встроенными ножками, телевизор "Рекорд" с малюсеньким экраном. В середине – раздвижной стол.

Окружающее пространство давило и душило Ута своей серой убогостью, вызывая щемящее чувство тоскливой ностальгии.

Мебель в спальне выглядела еще беднее – коричневый шифоньер, две железные кровати и письменный стол из светлого дерева у окна, за которым Ут когда-то делал уроки.

В квартире было душно и жарко – раскаленные дневным зноем бетонные стены не обещали прохлады даже ночью. Из кухни доносился запах варенного мяса и капусты – на ужин готовили дамляму.

– Утик, иди, мой руки, будем кушать, – прервал его размышления материн голос.

Мать, кажется, заметила, что с ее сыном творится что-то неладное, она смотрела на Ута долгим немигающим взглядом, и как будто чего-то от него ждала, ждала каких-то объяснений. Ут знал, чем это кончится. Ничем. Мать всегда так на него смотрела, когда что-то казалось ей странным, но не заводила разговор, не зная, как к нему подступиться.

– Будешь добавку? – спросила мать.

– Нет, – ответил Ут, несмотря на неутоленный голод, – ему хотелось поскорее уединиться.

– Тогда попей чаю.

Отец еще не вернулся из гаража, мать его потом покормит отдельно – Ут вспомнил, что у них не были заведены совместные трапезы. Но за каждым было закреплено свое место. Мать сидела возле раковины и газовой плиты – кухня была махонькой, отец – рядом с ней, спиной к балконной двери, а Ут – с краю, но как бы во главе кухонного стола, покрытого ядовито-зеленой клеенкой. Спина его упиралась в стену, точнее, не в стену, а в дверку служебного шкафа, выкрашенного в белый цвет, за которым скрывались канализационные трубы.

В доме не все в одно и то же время садились за стол, и не все одновременно из-за него вставали. Отец, быстро проглотив чуть теплый чай, обычно уходил первым читать свою газету «Вести Алтын Тартарии».

Впрочем, так было не всегда. После 50-летнего юбилея он переменялся, причем, кардинально. Былую угрюмость как корова языком слизнула. Из замкнутого и молчаливого сухаря он вдруг превратился в открытого и общительного жизнелюба.

Как-то отец пришел с работы очень злым и раздраженным, и едва ли не с порога начал орать:

– Манка, сопляк! Он меня еще учить будет!

Ут редко видел отца в таком состоянии, он не любил обсуждать дома проблемы, которые возникали у него на работе. А на этот раз прорвало.

– Я ему так прямо и сказал: «Тартар түрә булса, чабатасын түргә элә» (если тартарин станет начальником, то сразу задирает нос). Манка, он еще не знает, кто я такой!

Выяснилось, что сменился начальник управления диспетчерской службы комбината, кому непосредственно подчинялся отец. Поставили молодого перспективного тартарина, земляка из Казани, представителя титульной нации, и тот, видимо, с первых дней начал «строить» своих подчиненных. Отец-то думал, что теперь будет лучше, коли его шефом стал земляк, но коса, как говорится, нашла на камень, и он в пух и прах разругался с новым начальником.

Несколько дней отец ходил мрачнее тучи, а потом вдруг перешел работать на другое оборонное предприятие, простым бригадиром слесарей. Это было неожиданное и мужественное решение, ведь он не просто занимал должность старшего диспетчера важного объекта стратегического назначения, но был еще и парторгом заводского отделения правящей партии «Единая Тартария». К тому же отцу оставалось всего несколько лет до пенсии – он уходил на заслуженный отдых по «льготной вредной сетке» раньше установленного срока.

Не исключено, что именно этот случай и тесное общение с простыми работягами так сильно изменили его характер.

Перебарывая себя, Ут впервые обратился к матери напрямую с просьбой постелить ему постель, потому что не мог вспомнить, куда ему нужно было идти ложиться спать. Мать бросила на сына удивленный взгляд, но молча убрала покрывало, поправила подушку на кровати в спальне напротив письменного стола и небрежно махнула своей полной белой рукой, ложись, мол, какие проблемы. Быстро раздевшись, Ут завалился на кровать, под его легким телом противно заскрипели железные пружины. Он натянул простынь до самого подбородка и углубился в свои мысли.

"Родители, наверное, спят в зале на раскладном диване, а для кого же тогда предназначена вторая железная кровать в спальне?" – возник еще один безответный вопрос.

В сознании опять перемешались две «видео дорожки»: на одной прокручивались извлекаемые из затаенных уголков памяти полустертые, смытые кадры из его первой жизни, на другую дорожку наслаивались свежие впечатления второй жизни, которые возникли уже после Раскола мира.

"Так может и крыша поехать", испугался Ут и чтобы, как-то развеяться, встал с постели и подошел к открытому окну. Едва заметное дуновение легкого ветерка, прикоснувшегося к лицу, обдало скорее жаром, нежели прохладой.

Обостренный слух Ута, как локатор, уловил скрип входной двери, кажется, вернулся из гаража отец. Мать загремела на кухне посудой. Потом вновь скрипнула входная дверь, Ут услышал чье-то неразборчивое бормотание и мамкин голос:

– Утик, к тебе пришли, – надежды на то, что до утра его трогать не будут, рухнули.

– Кто там? – недовольным голосом спросил Ут и стал нащупывать черное трикотажное трико и белую хлопчатобумажную майку, обнаруженную на спинке стула, прислоненного к письменному столу.

– Гулькин-Мулькин какой-то, я не знаю этого мальчика, – последовал ответ.

"Какой еще там Гулькин-Мулькин? – лихорадочно соображал Ут, неспешно одеваясь – Гулькин, Гулькин... Кто же это мог быть?.. Ах, да, это верно Гулга!" – стрельнула догадка.

Учился в параллельном классе, то ли в «А», то ли в «В», то ли в «Г», но точно не в «Б» паренек с такой кличкой. Он немножко заикался.

«Что же ему от меня надо? Сейчас узнаем», – сказал самому себе Ут и вышел из подъезда в темный двор.

– Ну, где твой Атаман, в на-атур-ре? – по блатному растягивая слова и спотыкаясь на букве «р», агрессивно спросил Гулга.

– Какой атаман? – опешил Ут.

– Ну ты же базар-рил, что за тебя Атаман впр-рягется. Где он? Я своих пацанов пр-пр-ривел, – Гулга махнул рукой в глубину двора, в сторону лягушатника – крошечного бассейна, в который давно уже не пускали воду. В темноте ночи угадывались черные зловещие фигуры – на кромке бассейна, на корточках, выстроившись в цепочку, сидело около десятка ребят. «Как волчата», подумал Ут, в сиянии луны почудился блеск их хищных клыков.

До Ут туго доходило, чего добивается этот неказистый, слегка заикающийся, но наглый и уверенный в себе паренек. Ут начал припоминать, что в первой жизни у него с ним случился какой-то конфликт, и Гулга сейчас привел свою банду, чтобы отомстить. К счастью, Ут вспомнил, что инцидент тогда закончился вполне мирно, и выбрал выжидательную тактику, то есть просто спокойно смотрел в наглые глаза Гулги и молчал.

Очень скоро эта тактика возымела успех. Гулга отвел взгляд и покровительственно, как бы сверху вниз, хотя был ниже ростом, похлопал Ута по плечу:

– Ладно, давай, чувак, без обид. Пр-ривет Атаману!

Жест был, конечно, высокомерным. Но учитывая неравенство сил – за Гулгой стояла стая молодых волчат – и беря во внимание тот факт, что до конца еще не были восстановлены в памяти все детали ссоры, Ут решил смолчать.

Гулга вихляющей походкой направился к своим пацанам, те дружно, как по команде, спорхнули с лягушатника и, освещая ночь искорками зажженных сигарет, удалились восвояси.

Ут опустился на скамейку, и чтобы успокоиться и собраться с мыслями, стал смотреть на звездную ночь. Нигде, как в Кызылкумах, нет такого по-настоящему черного неба и таких по-настоящему ярких крупных звезд на нем. Звезды были так близки, что, казалось, протяни руку и ты сможешь их коснуться. Вспомнились строчки из Фета:

Какая ночь! Все звёзды до единой

Тепло и кротко в душу смотрят вновь.

Мысли Ута переключились на конфликт с Гулгой. Был ли он сегодняшней ночью исчерпан или нужно ждать его продолжения, и Уту предстоит исправлять ошибки своей далекой юности? И сколько таких ошибок будет еще впереди?

Ут по крупицам воссоздавал историю этого инцидента, доставая со дна мусорной корзины своей памяти чудом уцелевшие фрагменты давно минувших дел. И чем полней и объемней начинала предстать картина, тем больше уверенности в нем накапливалось: а никакой ошибки-то и не было, все было правильно!

Около недели назад, как удалось вычислить, в 20-х числах августа, нескольких ребят из 9-го, нет, уже 10-го Б – Ута, Карпа, Сенью, Чибя, Швеца и Швеля срочно вызвала директор школы Красногородская Варвара Ксенофоновна, совершенно легендарная личность, о чем еще, возможно, представится случай рассказать. Ребят попросили помочь в ремонте школы. Дескать, на носу первое сентября, а школа к занятиям не готова, – стыд и срам! – и вы, как сознательные патриоты и отличные спортсмены, осознавая свой ученический долг, должны и обязаны...

Короче говоря, вооружившись кистями, красками и ведрами, полученными вместе с подробными инструкциями от физрука, новоиспеченные десятиклассники принялись красить истоптанный до неприличия пол спортзала и чернеющие решетки на его окнах.

И тут в спортзале нарисовался этот злополучный Гулга. Обычно ПТУ-ушники, покинув школу после 8-го класса, редко в нее навещались. Но у Гулги, видно, была какая-то надобность. Гулгу все знали как спокойного, выдержанного парня, но ПТУ с его дедовщиной, с полуармейскими-полутюремными нравами сильно меняло людей. Не избежал этого влияния и Гулга. Облачен он был в широченные клеши, на открытом пузе узлом завязаны края модной цветастой рубашки – так тогда ходили все хипари, в углу рта – изжеванная беломорина.

– Здор-рово, бр-ратва! – явно кому-то подражая и стараясь выглядеть бывалым пацаном, громко, немного заикаясь, просипел Гулга. Он подходил поочередно к каждому из ребят, и как бы нехотя, снисходительно совал свою вялую лапу, вроде здоровался.

– Не западло на физрр-рука ишачить? – вызывающим тоном, ни к кому конкретно не обращаясь, бросил в воздух издевательский вопрос Гулга.

Он ловко зацепил своей «граблей» ведро с белой дефицитной краской, предназначенной для нанесения разметки, и молча, ни на кого не глядя, потопал к выходу.

Это выглядело, как плевок в лицо.

– Постой, Гулга, куда лыжи наострил, поставь ведро на место! – не выдержал Ут.

Гулга повернулся и, не выпуская ведра из цепких рук, смачно выплюнул потухшую папироску, специально целясь на свежеевыкрашенное место.

– Что, патриот, школьное добр-рро пожалел? – с наглой ехидцей спросил ПТ-ушный шпаненок.

– Мне государственного не жалко, – заметно горячась и закипая, принял вызов Ут. – Но ты бы хоть попросил нас, пацаны, мол, мне краска позарез нужна, отлейте чуток. Мы бы, может, по старой дружбе и отлили.

Товарищи Ута согласно закивали головами.

– Да, кто вы такие, чтобы у вас разр-ррешалки спр-ррашивать, – внешне абсолютно спокойно отреагировал Гулга и совершил угрожающий разворот в сторону Ут. – А ты, тартарская морда, сам кр-рраску бочками мне будешь катать, понял, козел!

– А ну повтори, что сказал! – сжав кулаки, едва сдерживая закипевшую ярость, Ут стал надвигаться на Гулгу, отмахиваясь от чьих-то попытавшихся остановить его рук.

– Тартарская морда, – опять спокойно, с подлой ухмылкой произнес Гулга.

Лучше бы он не произносил этих слов, эта оскорбительная кличка действовала на Ут, как красная тряпка на разъяренного быка.

Новостройки на окраинах громадной Имерии осваивались в основном приезжими из Мосхоского улуса. Местных – ираноязычных парсов и тюркоязычных сартов – в новых городах проживало не так много, так же, как и представителей титульной нации. И их не недолюбливали, считая «завоевателями и поработителями». Но если в центральных районах Алтын Тартарии, в местах компактного проживания тартар, их задевать боялись, то здесь, на периферии, иногда разыгрывались настоящие драмы.

Однако вернемся к Гулге, который спокойно стоял перед грозно надвигавшемся на него Утом, не выпуская из рук ведра с краской и совсем не готовясь к защите. Или был совершенно уверен в том, что Ут не решится на него напасть. Или рассчитывал на его благородство, которое не позволит нанести удар человеку, чьи руки заняты ведром.

Гулга просчитался. Яростный удар Ута пришелся точно по подбородку: пацаненок шлепнулся на пол, а ведро с краской покатило в другую сторону, заливая белизной свежо выкрашенный ядрено-желтый пол.

"Придется заново перекрашивать", – успел подумать Ут.

... Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы одноклассники не оттащили Ута от рас-терзанного Гулги. Когда ПТУ-ушник отчалил со своей все же непобежденной улыбкой на окро-вавленном лице, к Уту подошел Сеня, который всегда обо все знал и тихо сказал:

– Зря ты это сделал, у него старший брат на днях из зоны откинулся. Если «забьют стрелку», приведи Атамана, ты же, кажись, его знаешь. А главное Гулга знает, что ты с ним знаком. Против Атамана они не попрут...

– Утик, ты что там делаешь? – оторвал Ут от неприятных воспоминаний озабоченный голос отца, высматривавшего его с балкона. – Иди, домой, поздно уже.

Ут еще раз бросил взгляд на сияющие звезды. Рядом с Венерой проблеснул кровавый диск Нибуры, луна желтоватым светом облила опустевший двор. Ут отправился спать.

Так закончился первый день его новой жизни.

3. Роковая женщина

На следующий день Ут проснулся поздно. Отец уже ушел на работу, а у матери был отгул, и она попросила сына сходить за хлебом.

Несмотря на 10 утра и конец лета, солнце пекло немилосердно. На улице было безлюдно. Завтра, как сообщила мать, 1 сентября, и нужно собираться в школу.

Ут свернул по тротуару с Тукая, то бишь Пушкина, на улицу Центральная и увидел ее, Беллу. Он только-только сравнялся с началом дома N1 на Центральной, а она появилась у конца этой же длиннющей четырехэтажки с голубыми балконами. Ут ждал и опасался этой встречи, но она была неизбежна, и многое могла прояснить в обеих его жизнях – первой и второй. Плавно, как в замедленной киносъемке, девушка приближалась к Ут. Он признал ее сразу, узнавая также ее легкое, чуть выше колен летнее платьице, украшенное яркими сине-желтыми цветочками, ее высокую грудь, широкие бедра, переходящие в тонкие лодыжки. Выражение ее слегка скуластого лица было иронично-вызывающим, большие светлые глаза смотрели дерзко и насмешливо, будто говорили "лучше не связывайся со мной". Белла слыла первой красавицей в классе. Они встретились ровно в середине пути.

– Привет, Утик! – поздоровалась она, все знакомые ребята называли его Утиком, только Швель, один из его закадычных приятелей – Утя.

– Как дела? Куда идешь? – забросала парня вопросами Белла.

– Да вот мать за хлебом послала, – показал Ут пустую авоську.

– А я уже иду с хлебом, – засмеялась Белла и в ответ подняла к носу Ут свою прозрачную сетку, через большие ячейки которой были видны белая булка и две бутылки кефира.

– Как ты съездил? – продолжая расспросы, девушка многозначительно кивнула на висевшие на соседнем фонарном столбе огромные часы и заговорщически подмигнула.

Ут, проследивший за ее взглядом, вновь увидел за часами, на фасаде дома, стоящего на перекрестке улиц Центральная и Пушкина, вчерашний плакат «Слава КПСС!».

«Опять это дурацкое слово – «КППС», что же оно означает?», – подумал Ут, но осмыслить ничего не смог, поскольку нужно было общаться с девушкой.

– Ничего, нормально съездил, – ответил Ут уклончиво, удивляясь ее осведомленности по поводу его поездки на Памир.

– Приходи сейчас ко мне, мама ушла на смену, – ни капли не смущаясь и не жеманясь, предложила Белла.

– Хорошо, приду, схожу за хлебом и приду, – пообещал Ут, понимая, что встречи с ней все равно не избежать.

Белла стала его роковой женщиной, но ни она, ни сам Ут, конечно, тогда об этом не догадывались. Все последующие женщины, которыми Ут потом всерьез увлекался, чем-то были похожи на нее. Так же как первая квартира по Тукая 5/1 определила его любимое место за кухонным столом, так и первая девушка определила тот тип женщины, который ему потом всегда нравился. Заметная грудь, высокая талия, широкие бедра, изящные ноги, тонкие щиколотки и запястья – вот ее примерный портрет. И имена их всех почему-то начинались с буквы «Б» – княжна Болли, китайская принцесса Бо Ли, Балига ханум, и все они почему-то заставляли его страдать и доставляли ему боль.

До "Березки" – так назывался ближайший магазин – оставалось минуты 3-4 неспешным ходом, но за это время в голове Ута успела промелькнуть едва ли не вся его первая жизнь.

"Нет, все это не случайно, все что происходит со мной, совсем не случайно, – думал Ут. – Я не случайно попал в Петлю времени, и минуту назад тоже не случайно встретился с Беллой. Возможно, даже именно для того, чтобы случилась эта встреча, был устроен Раскол мира и образовалась дыра во времени, чтобы через нее я мог провалиться в прошлое. Но почему эта

встреча, если она так важна, была организована не сразу после Раскола мира, а лишь на второй день? Вероятно, это было сделано так для того, чтобы я успел хоть немного адаптироваться к новым реалиям и уже, ни на что не отвлекаясь, сосредоточиться на той главной задаче, ради которой и попал сюда, в прошлое, на полвека назад. Но какую задачу мне нужно выполнить?"

Это был главный вопрос. Несколько деталек заставили Ута внутренне содрогнуться. «Уже дважды мне попадались надписи с этой зловещей аббревиатурой КПСС, – анализировал ситуацию Ут. – Что бы они могли означать? И другая деталька – Белла зачем-то указала на уличные часы, и при этом, кажется, хитро ухмыльнулась. Что она этим хотела сказать? Может, подавала какой-то знак? А вдруг... Неужели... Неужели она все знает? Неужели она тоже из будущего?..»

Еще почему-то Уту припомнилась австрийская девушка Иза, которой он так и не дождался на острове Бержуд. Полное ее имя, кажется, Изабелла. «Изабелла» по-хонски означало «Красивая», а Белла – уменьшительно-ласкательное форма этого имени. Белла – Изабелла... Странно все это как-то. Опять имя женщины начиналось с буквы «Б».

Мысли жужжащим роем носились в голове. Однако Ут не только успевал следить за их бешеным полетом, но и внимательно наблюдать за тем, что происходило вокруг. Вот он прошел мимо магазина "Игрушки" и стал пересекать небольшую площадь перед кинотеатром "Центральный". У входа в зеленую аллею была вывешена растяжка " Футбол. Тогда – Авангард. 5 сентября. Начало 19 часов". Свернув направо и перейдя дорогу, можно было попасть на стадион "Согдиана", где разворачивались жаркие футбольные баталии. Но ему нужно было шагать прямо...

И вдруг Ут замер, как вкопанный, увидев странную киноафишу – "Корона Российской империи. 27-31 августа". Что за бред? Он помнил этот фильм, он ходил на него 7 раз, но называлась картина по другому – «Корона Тартарской империи». Что за мистика?

От лихорадочных мыслей Ута отвлек чей-то хриплый голос:

– Ладно, Сивый, отпусти малявок, пусть валят, не звенит!

За афишей среди елок, два шкета с озабоченными лицами прыгали перед патлатым верзилкой, пускающим им в глаза кольца табачного дыма.

– Валите отседова! – скомандовал длинноволосый.

Шкетов как ветром сдуло.

Местная шпана устраивала засаду в кустах на неразумных пацанят, которых родители посылали в «Березку» за хлебом, солью и спичками. «Гопстопники» ленились даже обшаривать их карманы, а просто заставляли попрыгать: если звенела мелочь, ее безжалостно конфисковали.

Зайдя в магазин, Ут удивился изобилию продуктов на прилавках. Конечно, с казанской "Березкой" сравнивать было трудно, но если в столичный «Первый Гастроном» пускали только по спецпропускам, то сюда мог зайти любой смертный. Мясные вырезки, колбасы любых сортов, сыры всех видов, полный ассортимент кисломолочных продуктов, в наличие было даже шоколадное масло – Империя заботилась о своих легионерах.

Правда, жители закрытого городка N не понимали до конца своего счастья. Живя на периферии огромной Империи и редко бывая в ее центральных районах, наивно полагали, что там-то, в Центре, жизнь бьет ключом, а тут у них – одни тихие, серые будни. А между тем в европейской части Алтын Тартарии – в Сары Тау, Хаджи Тархане, Сарыцине и других городах наблюдалась нехватка основных продуктов питания, самые дефицитные из которых выдавались по талонам, и за ними выстраивались огромные очереди.

Купив за 16 копеек буханку белого хлеба, Ут едва ли не бегом отправился в обратный путь – ему не терпелось встретиться с Беллой, чтобы задать ей кучу вопросов. Пробегая поворот с Центральной, Ут краем глаза опять зацепил этот начинавший уже бесить его плакат "Слава КПСС!", но накручивать себя не стал – сейчас придет к Белле, и она ему все разъяснит.

Закинув матери буханку хлеба и отмахнувшись от обеда "потом, потом!" , Ут побежал к дому №1 по улице Пушкина-Тукая, где жила Белла. Но возле ее дома он умерил прыть, мучительно вспоминая номер ее подъезда. Он знал наверняка, что ее квартира находится на последнем этаже, но в каком подъезде – забыл. Во втором или третьем? Ут наугад шагнул в третий, пулей взлетел на четвертый этаж, постучался в левую дверь и попал... в жаркие объятия Беллы.

– Как я соскучилась! – прижалась девушка к Ут своим дрожащим юным телом. Ее трепет стал передаваться и ему, он обнимал ее легкий стан, чувствуя волнующее прикосновение.

– Как давно мы не виделись, – тяжелым шепотом выдохнула Белла и, подняв голову, захватила Ут своими бездонными глазами, в которых ему почудился какой-то зеленоватый оттенок.

"Лет 40" , – сказал про себя Ут и, высвободившись из пьянящих объятий Беллы, увлек ее вглубь комнаты.

– Мне о многом нужно с тобой поговорить, – сказал он девушке.

– Мне тоже, – ответила она.

Ут смотрел на ее нервное напряженное лицо, на ее сочные слегка вздрагивающие губы и с трудом поборол в себе желание впитаться в них страстным поцелуем. "Нет, это потом, – остановил он себя. – Сначала нужно кое-что выяснить".

– Иштар!..

– Ты кого зовешь? – глаза девушки испуганно и, как показалось Ут, злобно загорелись зеленым светом.

– Извини, Белла, – поправился Ут, впервые произнеся вслух ее имя и заново пробуя его на вкус.

– Да, – томно отозвалась она.

– Тебе ничего не показалось странным?

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Белла.

– Иди сюда, – Ут взял за руку девушку и усадил ее рядом с собой на диван. – Понимаешь, у меня возникли некоторые проблемы, и я бы хотел, чтобы ты помогла мне их решить.

– Какие вопросы, любимый? – девушка отняла руку и доверчиво прижалась головой к плечу Ута, обнимая его высвободившейся рукой.

Ут тоже осторожно приобнял ее, стараясь не откликаться на трепет тесно прижавшегося к нему девичьего тела. В его юношеских воспоминаниях Белла не была такой темпераментной, что несколько удивило Ута.

– Давай разложим все по полочкам.

– Давай, – тихим шепотом согласилась Белла, еще теснее прижимаясь к нему.

– Я буду задавать тебе вопросы, – слегка отстраняясь от горячего тела, чью нервную дрожь он явственно ощущал под легким платьем, Ут стал подходить к главному. – А ты, ничему не удивляясь, отвечай мне, хорошо?

– Хорошо, – произнесла Белла уже почти совсем трезвым голосом, тоже немного отстранившись от Ута.

Главное, что хотел узнать Ут – прибыла ли Белла сюда тоже, как и он, из будущего или она ничего не знает о Петле времени. Судя по ее поведению, – в котором, если и было какое-то волнение, то проявлялось оно лишь в форме естественных инстинктов молодой чувственной натуры, соскучившейся по своему парню, – судя по всему, девушка проживала сейчас свою первую и единственную жизнь. Но чтобы окончательно в том удостовериться, Ут спросил:

– Скажи, а зачем ты мне указала на часы, когда мы с тобой 20 минут назад встретились на Центральной?

– А ты сам не можешь догадаться? – ответила вопросом на вопрос Белла, окончательно от него отстранившись.

Ут почувствовал, что чем-то обидел девушку.

– Ну ладно не обижайся, может, я о чем-то и забыл, – произнес он примирительным тоном.

– Забыл! – Белла, как ужаленная, соскочила с дивана. – Видите ли, он забыл, как такое можно забыть – я не понимаю!

– Ну ладно, прости, – Ут взял за руку разгневанную девчонку, стараясь снова усадить ее на диван.

– Ни за что не прощу, пока ты не вспомнишь, – нехотя уселась девушка, отдалившись все же от Ут на почтительное расстояние.

Ут попал в затруднительное положение, он не знал, как себя с ней дальше вести.

– Ты смотрела фильм "Корона Тартар... м-м, Российской империи"? – поправился Ут.

– Конечно, смотрела, мы же вместе ходили. Опять забыл?

– Ничего я не забыл! – соврал Ут. – Я даже помню, как ты хохотала, когда Ленина с его большевиками посадили на бронепоезд и поперли обратно в Германию.

Эпизод был действительно смешным, и зал на этом месте просто покатывался от смеха, и Белла, значит, тоже. Но реакция девушки была, мягко говоря, неадекватной.

– Ты че сдурел, ты чего городишь!

– Ну вот и пошутить нельзя, – на всякий случай спрятался за банальной отговоркой Ут.

– Ну у тебя и шутки! За такие шутки, знаешь, что бывает...

Разговор явно не клеился, за какую бы тему Ут не брался, везде его ждал прокол. Он был близок к отчаянию. Опять нависла тишина. Белла сердито прикусила нижнюю губу и незаметно, как змея, уползла на самый конец дивана.

Ут вдруг резко придвинулся к девушке, взял ее за тонкие плечи и сильно, почти грубо повернул к себе.

– Ты мне должна помочь, понимаешь! – с тяжелым надрывом произнес он.

– Что случилось? – подняла она испуганные глаза.

– Со мной случилась беда.

Белла нежными руками взяла голову Ут и долгим напряженно-участливым взглядом стала смотреть в его глаза.

– Говори, что случилось, только правду.

– Не знаю даже с чего начать...

Белла терпеливо ждала. Ут, подумав, решил сказать правду. Но не всю.

– Я видел, как раскололся мир.

Девушка смотрела непонимающим взглядом.

– Да, я видел, как раскололся мир, когда ездил с родителями на Памир. Мир раскололся на мелкие кусочки, а потом опять собрался. Я, кажется, в это время потерял сознание, а когда пришел в себя, у меня сильно болела голова.

– Бедненький мой, то-то я смотрю, ты какой-то странный, – девушка положила голову Ут себе на грудь и стала его гладить, как маленького.

– Может, это был солнечный удар?

– Может. Но с тех пор у меня временами стала пропадать память.

В глазах Беллы блеснули слезы.

– Ты совсем ничего не помнишь?

– Я помню почти все, но мне нужно подсказывать, тогда память возвращается.

– О чем ты хочешь, чтобы я тебе напомнила? – участливо спросила девушка, продолжая гладить Ута по голове.

– Про часы.

– А-а, про часы. Разве ты не помнишь, что мы с тобой договорились под ними встретиться 31 августа в 10 утра?

– Нет, но вот ты сказала, и я стал припоминать, что мы всегда там назначали наши встречи.

– Вот видишь, ты вспомнил. Не бойся, я тебе помогу, со мной ты вспомнишь все! – заверила Белла и после небольшой паузы спросила: – Скажи, а почему ты меня сначала назвал каким-то чужим именем, Иштар, кажется? – Ут показалось, что в ее глазах опять сверкнул недобрый зеленый огонек.

– Да так, читал книжку одну, – отмахнулся он. – У тебя есть учебник истории, за 4-й класс? И еще за 10-й. Или какой-нибудь справочник.

– Зачем он тебе? Сейчас гляну, или пойдем – сам посмотришь.

Ут вслед за Беллой прошел из зала в другую комнату поменьше, служившую спальней. Напротив двери стоял письменный стол, а над ним висели книжные полки с богатой библиотекой – книг здесь было гораздо больше, чем дома у Ута. Слева у окна находилась большая кровать. Разобранная. Белла перехватила взгляд Ута, скользнувший по белым простыням и покраснела.

– Белла, назови столицу нашей Родины?

– Ты что, сам не знаешь! – вспыхнула было девушка, но вспомнив, в каком болезненном состоянии оказался ее друг, тихо выдохнула: – Москва.

– Понятно, – сделал вид, что не удивился Ут.

– А вторая столица?

– Какая вторая столица? – не поняла сразу девушка. – А-а, ну когда-то был Питер, то есть Петербург, сейчас это город Ленинград. И никакая это не столица.

– А Самарканд?

– Что Самарканд? При чем тут Самарканд?

– Ладно, ладно, ни причем, я так, потом еще поговорим, – успокоил девушку Ут, наткнувшись на книжной полке на «Краткую Советскую энциклопедию».

Он помнил этот справочник, информация в нем была отсортирована по датам, и с ним легко было работать. Правда, назывался справочник «Краткая Тартарская энциклопедия». Впрочем, это было уже не важно.

Ут с волнением открыл страничку с ключевой для Алтын Тартарии датой «7 ноября 1917 года». Этот день, именуемый Днем Единения, когда прогнали из страны восставших большевиков, а их вождя Ленина отправили обратно в Германию, широко и помпезно отмечался по всей стране. На Ярмарочной площади в Казани – столице Империи – проходил военный парад с обязательным салютом. В Самарканде – второй, восточной столице – тоже запускали салют. Но в справочнике написано было совсем другое...

Лихорадочно пролистав несколько страниц, Ут понял, что революция, о которой на всю Европу кричали большевики, в той жизни, в которой он очутился после Раскола мира, все же удалась. И никто Ленина не прогонял в Германию, – «а-а, вот почему так ополчилась Белла!» – напротив, Владимир Ульянов стал первым правителем нового государства, получившего название СССР – Союз Советских социалистических республик. «Коммунизм у них все же победил», – догадался Ут. Наконец, он добрался и до мучившей его второй день подряд аббревиатуры КПСС, – она расшифровывалась, как «Коммунистическая партия Советского Союза» – это была их правящая партия. Других партий в новой Империи не было. «У нас тоже одна партия – «Единая Тартария», – провел параллели Ут. Через пару страниц он понял, что и до 1917 года история развивалась по-другому сценарию – Империей правил не тартарский каган, а русский царь.

Новая информация плохо укладывалась в голове, она кардинальным образом меняла все представления Ут о своей стране и мире. Он чувствовал себя инопланетянином, заброшенным на чужую, неизвестную, пугающую его планету.

Чтобы привыкнуть и осмыслить реалии этой неведомой планеты, нужно было время. Но Ут не мог остановиться и взахлеб читал все подряд в этом странном справочнике, его мозг впитывал в себя новые и новые странички, не успевая их, как следует обработать и создать какое-то целостное представление о том странном мире, в который он не менее странным образом попал.

Ут задержал свое внимание на странице, описывающей монголо-татарские завоевания, в справочнике было написано именно так: монголо-татарские, а не тартарские, как привык он. Выяснилось еще, что эти завоевания носили отрицательный характер, и существовало якобы даже какое-то «Татарское иго», отбросившее народы Евразии на много столетий назад и обусловившее их отставание от Европы. Хотя все исторические книги, которые в свое время прочитал Ут, говорили о цивилизаторской роли «Алтын Тартарии», о ее благотворном влиянии на развитие культуры отсталых, полудиких племен и народов Империи.

Ут отыскал в справочнике средневековую карту, подготовленную европейскими картографами, на которой территория большей части Евразии была отмечена крупными латинскими буквами «TARTARIA», ассоциировавшаяся на Западе исключительно с «исчадием ада». Это было понятно для Ут – об «Алтын Тартарии», из которой он загадочным образом недавно сюда прибыл, тоже нигде в мире не говорили ничего хорошего. Непонятным было другое, почему под «TARTARIA» в Европе подразумевалась не Тартарская империя, а Российская.

Интересно, а какое место занимала Казань в этой новой исторической системе координат?

– Белла, у тебя есть подробная карта нашей страны? – обратился Ут к заскучавшей девушке, сидевшей с задумчивом видом на разобранной кровати и перелистывающей какую-то книжку. На обложке было написано «Алексей Толстой» – Ут знал этого автора, но произведение «Хождение по мукам» ему было неизвестно.

– Там на столе, посмотри, должен быть «Малый атлас СССР».

Да, вот он. «Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Москва, 1973» – прочитал Ут на титульной странице. Общая карта СССР сильно его удивила. Нет, границы Империи остались прежними, но вот названия регионов и городов... Вместо Самар он увидел какой-то Куйбышев, вместо Саратау – Саратов, вместо Симбир – Ульяновск, вместо Хаджи Тархана – Астрахань, вместо Чаллы-Кала – Белгород, вместо Хан-Кермена – Касимов... А Казань была всего лишь столицей крошечного округа вроде Мосхоского улуса, который назывался ТАССР – Татарская Автономная Советская социалистическая республика.

До Ут стало доходить, что Петля времени засосала его не просто в прошлое, а в альтернативное прошлое, чужое, непонятное, враждебное. Нужно было определить, на каком рубеже произошел слом и история поменяла вектор своего развития. Важно было нащупать этот узловый момент, чтобы понять характер исторических искажений.

И все-таки мозг требовал передышки.

– Интересно? – Ут сел возле Беллы и заглянул в книжку, от которой она не могла оторваться.

– Очень, я ее все каникулы взахлеб читала, и даже в Куйбышев с собой брала, когда ездила к тете в гости.

«Так, нужно запомнить: ее тетя живет в городе Самар, то бишь в Куйбышеве», – на всякий случай оставил зарубку в памяти Ут.

– Я так плакала, так переживала! Если автор не соединит сердце Даши с инженером Телегиным, я убить его готова. А ты читал эту книгу?

– Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки,-
Не вспомнила ль о чем? -

– продекламировал Ут.

– Опять ты со своим Фетом!

– О, да ты стала его стихи различать! – снова удивился Ут, он не замечал за Беллой увлечение поэзией.

– Я-то да, а ты даже Алексея Толстого не можешь прочесть, – укоризненно произнесла Белла.

В смартфон, который Ут благоразумно спрятал дома в ящике письменного стола, была закачена практически вся классическая литература, в том числе произведения Алексея Толстого. Но трилогии «Хождение за три моря» в его библиотеке не было. Не было по той простой причине, что «на его планете» Алексей Толстой писал совсем другие книги. Заметив, что Ут слегка сконфужен, Белла подвинулась к нему поближе и, заглядывая в глаза, спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.